

ЯСНОЕ ОБЪ „ОРИЕНТАЦИЯХЪ“.

Фельетонъ З. Н. ГИНИУСЪ.

«Ориентация» — наша злоба дня. Люди все-таки привыкли о чем-то размышлять, чего-то желать, куда-то себя «помещать» — (самоопределять, что современному выражению). Сейчас, мы в бездѣйствии, полуголокли и подустыбли, ровно ничего не знаем... Но мы все-таки бросаемся туда, гдѣ хоть приблизительно, хоть какъ нибудь, можно что-то выбирать, что-то принимать. И при томъ въ вопросѣ *очень важномъ*.

Ориентацией заняты всѣ, отъ 12-лѣтняго мальчика до сѣдовласаго политика. Въ газетахъ, въ домахъ, на улицахъ — вездѣ ориентация, а вѣрнѣе — ориентационный сумбулъ и надрывъ. Изъ всѣхъ известныхъ мнѣ суждений (а ихъ безчисленное количество) ни одно не отличалось ясностью. И я поставила себѣ задачу: найти такое, которое: 1) основывалось бы на здравомъ смыслѣ, 2) узко отвѣчало бы современному дню, 3) было бы формулировано съ ясностью, доступной умному двѣнадцатилѣтнему мальчику.

Последнее требование потому казались мнѣ важнымъ, что и «наши русские» политики, самые сѣдовласые, въ большинстве не умнѣе умнаго 12-лѣтняго мальчика.

Мнѣ удалось, послѣ долгихъ поисковъ открыть осведомленныхъ людей, стоящихъ на платформѣ здраваго

смысла. Передаю, кратко, слышанное и уповаю, что кому нибудь оно пригодится для руководства.

Первое, что надо сдѣлать, подходить къ вопросу, — это отказаться отъ «чувствований» и «симпатій», а также отъ всякихъ соображеній свойства моральнаго. Мы пока лишь холодно изслѣдуемъ, извѣщаемъ, учитываемъ реальную данность. Намъ занимаетъ одно: спасение Россіи. Сейчасъ даже не государства російскаго — его нѣтъ — а просто народа: народу грозитъ вымирание, нечего себя обманывать.

Сама себѣ Россія помочь не можетъ. Необходима помощь извнѣ. И помощь немедленная, не когда нибудь впоследствии, а теперь. Какая же изъ известныхъ силъ обладаетъ, въ обстановкѣ даннаго момента, большей *физической* возможностью помочь Россіи, остановить процессъ разложения народа?

Здравый смыслъ отвѣчаетъ недоумимо: такая физическая возможность, самая близкая и самая конкретная — у Германіи. Не закрывая вполнѣ возможностей помощи съ другой стороны за ихъ отдаленность и проблематичность, — мы обязаны, однако, в первую голову рассмотреть именно вопросъ о Германіи. Съ той же сухой объективностью.

Германія можетъ сдѣлать съ нами,

что хочетъ. И сдѣлаетъ, конечно, то, что найдетъ *отвѣчающимъ своимъ интересамъ*. Попробуемъ же проникнуть въ интересы Германіи, разсобраться въ нихъ.

Интересы Германіи въ отношеніи Россіи могутъ рисоваться двояко: менѣе дальновидно — и болѣе. Первая схема, менѣе дальновидная: Германія разсматриваетъ Россію, какъ *врага*, какъ объектъ которымъ она пользуется, все время держа его въ рукахъ. Тогда она рѣшается по Рербаху, т. е. ей нужна Россія: 1) раздѣленная, 2) откинута на востокъ, 3) не имѣющая выхода къ морю на западѣ и на югѣ, 4) *умеренно* просвѣщенная (съ азиатской окраской). Въ зависимости отъ своего собственнаго положенія, она поддерживаетъ у насъ правительственную диктатуру, или какое нибудь, ея созданное, твердое внутри и жестокое ей, — все приблизительно къ моменту и къ своей выйдѣ. Раздробленность, даже распыленность Россіи ей, во всякомъ случаѣ, крайне необходима. Такая новая Индія рассчитана не на годы не на десятилѣтія даже. А, пожалуй, на десятилѣтія, ибо при этомъ планѣ процессъ вымирания народа не останавливается и даже не замедляется.

Вторая схема. Интересы Германіи, при болѣе дальновидности, могутъ рисоваться иначе: она разсматриваетъ Россію, какъ *друга*. Она эксплуатируетъ ее, если можно такъ выразиться, «на законномъ основаніи». Она, не до-

мывая не существующему государству, спасаетъ, однако, жизнь народа. Она рассчитываетъ, что къ ней пойдутъ на встрѣчу не за страхъ, а если не за «совѣсть», то отъ послѣдней нужды, и готовить въ будущемъ вѣрнѣйшій союзъ восточныхъ странъ. Для этого ей нужна Россія болѣе или менѣе объединенная, болѣе или менѣе сплоченная, подъ только внутреннимъ германскимъ влияніемъ. И, конечно, не чисто-самодержавная — это невыгодно съ известной стороны. Такъ или иначе, Россія должна и самостоятельная.

Будемъ послѣдовательны: если бы Германія рѣшила дѣйствовать по этой второй схемѣ, въ своихъ интересахъ болѣе дальновидныхъ, — то русскимъ людямъ здраваго смысла, понимающимъ необходимость помощи немедленной, надо было бы тотчасъ принять «ориентацию» на Германію. То-есть: остаться въ плоскости строго-реальной и пойти навстрѣчу Германіи въ осуществленія ея плана. Это надо утверждать, и надо умѣть безстрашно об этомъ сказать.

Но дѣло тутъ вовсе не возматается: дѣло въ томъ, что люди здраваго смысла *не видятъ* рѣшенія Германіи дѣйствовать въ планѣ второй схемѣ, а, напротивъ, видятъ, и фактически знаютъ, (поскольку можемъ мы знать съ достовѣрностью), что Германія идетъ по первому пути. — къ осуществленію въ Россіи своихъ близкихъ, первачно-грубыхъ интересовъ. Уже сдѣланы въ этомъ направленіи шаги, не доводи-

ние дома сомневаться. Если была в Германии какая-нибудь борьба партий по русскому вопросу, то надо сказать: победила стоявшая за немедленное «морозово-воинское» России (за Россию-Индия) за поддержку, в этих видах, всего того, что наиболее способствовало расширению, раздвиганию России в процессе государственно-народного умирания. Параллельно ведущий, территориальный охват России также шло, и очень стройно, в общий план, — в схему тервиза.

При этих условиях не только германский «ориентализм» является абсурдом, но и самое понятие обезсмысливается, лишается всякого содержания. С момента, когда Германия избрала определенную политику действия, именно такую, а не другую, наша «ориентация» на нее становится никому, ни самой Германии, немцам, и ничего равно фактически не связующей: «ориентализм» ли мертвец на гроб, или нет, все равно для него будет заложено.

Итак, делаем общий вывод. Если бы Германия приняла отношение России невинно больше, то можно было бы выразилось бы конкретно и определенно целый ряд вопросов: о нерешенности Брестского мира, о возможности признания России, о существовании самостоятельного правительства и т. д., если бы это было так, мы были бы обязаны, но не имея реального влияния опасаемся народа, видеть в

на Германию. Все равно, чего бы это ни стоило...

Если бы было так... Пора сказать себе с полной серьезностью, с полной ответственностью, окончательно: этого идти и идти вперед нами реального выбора между «ориентализмом»: германской и негерманской. Просто нет никакого выбора. Германия не только отвергла всякую возможность постановки вопроса, обуславливая эту мысль самого бытия «ориентализма» на нее; она уже сейчас и продолжает делать самые недвусмысленные шаги к тому, чтобы заложить нас в гроб.

«Ориентализм» сегодня на Германию — это и значит ориентироваться на гроб. Если мы уже мертвец, то результат во всех случаях один. Но если мы все-таки еще дышим, мы, пока дышим, будем «ориентироваться», без выбора, на что угодно, на кого угодно, только не на гроб. Пусть, при перемене стороны, возможность надежды на помощь истончается, как мучка; за то мы не должны здесь ломать себя, жертвуя частью личности. А выбора-то равно нет! Мы можем быть и враги. Но пусть знают, что мы все-таки умрем!

Когда лезла правда об «ориентализме». Это правда сегодняшнего дня. У нас нет выбора.

В. Гунтуев.

И, оказывается давно это было, а оба они, Мастаков, — тогда Гусев президент, — и Старик, сосланы были на каторгу. Но Мастаков сбывался. А Старик выстрадал свое. И нет ему дела, что Мастаков считает себя повешенно осужденным...

Нейтральные зрители.

«Берлинер Тагеблатт» не без умысла перепечатывает статью известного шведского писателя Эдварда Вель-Странд заграживающего большой вопрос об отношении нейтральных стран к войне.

— Европа умирает, — пишет португальский автор, — от Эльзаса до Балтийского моря Европа превратилась в сплошное кладбище, которое все растет и растет. Созданы пять частей света сражаются друг с другом. Австралийцы, индусы, новозеландцы, канадцы, африканцы, арабы и селенгалы приняли участие в кровавой драме мировой истории и только некоторые небольшие государства на границе Европы остались больше или меньше пассивными зрителями потрясающей трагедии.

Когда начинался западный пад первый акт, нейтральные страны с жадным вниманием следили за ослепительным арканом... Затем их внимание постепенно приглушалось и теперь они оживляются лишь при виде самых эффектных сцен. Их учас-

провождается «липкой». — Горького, и почто, лучше смотреть на сцену. Но хорошо, повторю в чистоте то, что опубликовано не ускользнуло то значительное ведомое одному лишь автору, что один лишь он способен передать.

М. Саганов.

лють и раздражают донесения о нескольких занятых метрах, о десятках раненых, о паре отбитых орудий. Это неинтересно и не важно с их точки зрения. Они не знают и не хотят знать, сколько человеческих жизней, страданий, бессонных ночей страшного напряжения стоили эти несколько метров.

Для нейтральных мировая война представляется постепенно лишь объектом спекуляции. Пока война длится, нейтралы будут приумножать свои капиталы, окончание же ее они хотят отодвинуть в безконечно далекое будущее. Когда им кажется, что та или другая воюющая сторона склоняется к миру, они забывают о своем нейтралитете и открыто выражают свое негодование. Они не желают сознавать, что эта война не есть борьба цивилизации против варварства, а есть взаимопотребление цивилизованных народов.

Нейтральными зрителями это все равно. Они спекулируют и тешатся.

Е. Р.